

УДК 159.9:343.915

DOI: 10.35750/2713-0622-2021-1-24-38

Шаранов Юрий Александрович

Санкт-Петербургский
университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)

niospba@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9758-8220

Концепция «самостояния» личности подростка с криминальным типом самосознания

Аннотация

В конце XX – начале XXI века теоретические представления о личности девиантного, делинквентного или правонарушающего подростка вышли на новый уровень. В юридическую психологию наряду с традиционными методами возрастной, дифференциальной, педагогической и социальной психологии проникли методы, модели и объяснительные схемы психологии стресса, психологии семьи, патопсихологии, психической травмы, наследственности, личностных деформаций, в контексте которых специалисты пытались создать универсальные, внутренне непротиворечивые теории подростковой преступности. Однако все известные попытки заканчивались появлением очередной более или менее реалистической частной теории или подхода, как правило, оставляющих без ответа вопросы о времени, смысле и бессмысленности, духовности и безнравственности общества, одиночестве и отчужденности человека. Предлагались и продолжают предлагаться простые объяснения причин преступности и эффективные мероприятия по борьбе с ней. Психологическая наука в настоящее время демонстрирует очевидную неспособность ответить, по крайней мере, на основные методологические вопросы развития личности подростка. Именно подросток 15 лет с криминальной направленностью поведения выступает наиболее сложным объектом познания. Внутренняя противоречивость, амбивалентность отношений, реакций и поведения подростка заставляют вновь обратить внимание на изучение его сознания и самосознания, эволюцию мышления, механизмов рефлексии, историю становления линии жизни. В данном контексте нами разрабатывается концепция «самостояния» личности подростка, восходящая к идеям Л. С. Выготского, а также к многочисленным исследованиям отечественных и зарубежных авторов.

Ключевые слова

«самостояние», рефлексия, субъект, подросток, кризис, самосознание, экзистенциальный выбор

Для цитирования: Шаранов, Ю. А. (2021) Концепция «самостояния» личности подростка с криминальным типом самосознания. *Российский девиантологический журнал*, 1(1), 24-38. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-24-38.

Yury A. Sharanov

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

niospba@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9758-8220

The concept of an adolescent personality “self-state” with a criminal type of self-consciousness

Abstract

In the late twentieth and early twenty-first centuries, theoretical ideas about the personality of deviant and delinquent teenagers reached a new level. Methods, models and explanatory schemes of stress psychology, family psychology, pathopsychology, mental trauma, hereditary and personality deformations penetrated legal psychology along with traditional methods of age, differential, pedagogical and social psychology, in the context of which specialists tried to create universal, internally consistent theories of juvenile delinquency. However, all known attempts led to another more or less realistic private theory or approach, usually leaving unanswered questions concerning time, meaning and meaningfulness, spirituality and immorality of society, loneliness and alienation of a person. Simple explanations of the causes of crime and effective measures to combat it have been and continue to be offered. Psychological science currently demonstrates an obvious inability to answer, at least, the basic methodological questions of the personality development of adolescents. A 15-year-old teenager with a tendency to criminal behavior is likely to be the most difficult object of cognition. Internal inconsistency, ambivalence of the adolescent's attitudes, reactions and behavior make us to pay attention to the study of his consciousness and self-consciousness, the evolution of thinking, mechanisms of reflection, the history of the life line formation again. In this context, we are developing the concept of “self-state” of a teenager personality, which goes back to the ideas of L. S. Vygotsky, as well as numerous studies by domestic and foreign authors. The main objective of this article is to substantiate the concept of “adolescent personality self-state”, its validation and operationalization. As there is virtually no such concept in psychology, the validation process will consist in substantiating the basic sources and mechanisms of its emergence, as well as in reflecting those qualities of personality that are denoted by the concept of “personality self-state”.

Keywords

“self-state”, reflection, subject, teenager, crisis, self-awareness, existential choice

For citation: Sharanov Y. A. (2021) The concept of an adolescent personality “self-state” with a criminal type of self-consciousness. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 1(1), 24-38. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-24-38.

Основной задачей настоящей статьи является обоснование концепта «самостояния» личности подростка, его валидизация и операционализация. В связи с тем, что такой концепт в психологии практически отсутствует, процесс валидизации будет состоять в обосновании базовых источников и механизмов его появления, а также в рефлексии тех качеств личности, которые обозначаются понятием «самостояние личности».

Как правило, процедура концептуализации задает ситуацию идеализации познаваемого объекта посредством введения в его содержание признаков или значимых характеристик, облегчающих его понимание как единичного в своей онтологической сущности явления, коррелирующего с повседневным опытом или опытом научного познания субъекта. В нашем случае «единичность» концепта «самостояние личности подростка» определяется тем местом, которое

оно должно занимать в психологическом пространстве личности. Если гипотетически предположить, что «самостояние» выступает в качестве атрибута проявления экзистенциальной активности самосознания подростка, необходимого ему для перехода от индивидуальной к социальной форме существования, то концепт «самостояния» логически должен располагаться между самосознанием и самоопределением субъекта. Тем самым «самостояние» в психологическом пространстве личности – продукт определенного уровня развития самосознания и самоопределения.

Введение в научный оборот концепта «самостояние» обусловливается отсутствием в настоящее время завершенной структуры так называемых «само-процессов» развития личности. Одним из распространенных вариантов такого развития выступает разделение «само-процессов» на самопознание, самопреобразование, самотрансценденцию и некоторые другие про-

цессуальные образования (Журавлев, 2011, с. 93). При этом другой вариант «само-процессов» определяется уровнем развития теории сознания и самосознания. В настоящее время отсутствуют однозначные объяснения причин активности сознания и самосознания, соотношение биологических и собственно психологических детерминантов целенаправленного функционирования сознания и самосознания. Показательны в этом смысле научные поиски психофизиологов, которые формулируют принципиальное положение о том, что «психические функции и сознание – не синонимы». Необходимо знать, утверждает, например, Э. А. Костандов, какие критические изменения должны происходить в центральной нервной системе, чтобы «произошло осознание какого-либо явления», какие структуры головного мозга в этом участвуют, сколько нужно для этого времени и т. д. (Костандов, 2004, с. 93). Вместе с тем, стоит оговорить, что концепт «самосознания» в психологической науке также находится в стадии активного осмысления. Его так же, как и сознание, трудно зафиксировать и определить. Как правило, это некая формальная реальность, еще незавершенная структурно, ее смысл создается одновременно с его сообщением и не подчиняется однозначному выделению структурных элементов и видению мира. Его главный структурный элемент – субъект как носитель самосознания, также демонстрирует подвижность своих границ в отношении универсального принципа объективации: феноменологическое существование явления получает постольку, поскольку обнаруживает свою непрозрачность и упругость.

Постмодернистские воззрения на самосознание в пространстве и времени подчеркивают, что оно подвержено пульсации: сжимается и одновременно расширяется внутренний и внешний опыт субъекта, последний в зависимости от результатов внутренней работы переходит с одного уровня самоосознания на другой, от одного уровня осознания и понимания мира на другой. Другими словами, сознание и самосознание подвержены стремительному движению, они либо открываются миру, либо замыкаются в себе. По справедливому мнению А. Камю, сознание «приходится ловить на лету, в тот едва различимый миг, когда оно окидыва-

ет самого себя беглым взглядом» (Камю, 1990). «Тайна» самосостояния субъекта открывается именно в точке взаимопереходов между «мерцающими» границами сознания и попыткой субъекта произвольно зафиксировать, сосредоточить энергию движения самосознания для разрешения собственного экзистенциального кризиса посредством творческих преобразований индивидуальных интенций в социокультурные образы, мышление и деятельность личности.

Таким образом, произвольность самодеятельности субъекта выступает причиной порождения «динамического самосостояния» самосознания субъекта всякий раз, когда возникает внутреннее психическое напряжение, кризис или внутренний конфликт, вы-

званный изменчивостью, вариативностью, непредсказуемостью личности, ее поиском истины или смысла жизни. По справедливому мнению А. Г. Асмолова, «кризисы – это не временное состояние, а путь внутренней жизни» (Асмолов, Культурно-историческая психология и конструирование миров, 1996, с. 28). Поэтому «самосостояние» следует рассматривать в качестве базового образования внутреннего пространства личности, обеспечивающего запуск и последующее функционирование всех известных в психологии «само-процессов» – прежде всего тех, без которых невозможен

взгляд человека на себя со стороны: это способность к рефлексии, направленной на себя и в себя, что является ключом к превращению человека в субъекта (Знаков, Самопонимание субъекта как проблема психологии человеческого бытия, 2004, с. 14).

В данном контексте «самосостояние», образуя в пространстве самосознания подростка область напряженного смыслового переживания, тем самым актуализирует работу реального психологического механизма отношений между структурами его внутреннего опыта, в том числе структурными элементами системы самоопределения, включая процессы самоориентации, самоорганизации, самопознания, самоконструирования, преобразования картины мира подростка. Другого способа трансформации индивидуального в личностное, в социальную форму, кроме механизма самосостояния, у подростка не существует. При этом понятие «смысловое переживание» восходит к идее

”

*Введение в научный оборот
концепта «самосостояние»
обусловливается отсутствием
в настоящее время
завершенной структуры так
называемых «само-процессов»
развития личности.*

“

Л. С. Выготского, предложившего рассматривать переживание как единицу сознания. Под термином «смысловое переживание» Л. С. Выготский понимает процесс «обобщения переживаний» как некое психологическое новообразование, которое впервые проявляется по достижению человеком младшего школьного возраста. В результате у ребенка появляются способности к смысловому переживанию и ряд других сложных личностных образований – самооценка, уровень притязаний, логика чувств и др. Л. С. Выготский считал, что возникновение смысловых переживаний знаменует собой новый этап в развитии личности, так как становится возможным оценивать и контролировать различные противоречия в аффективной сфере, переживать внутренние конфликты и осуществлять осмысленный выбор способа их разрешения (Выготский, Собр. соч., 1982, с. 383). Наконец, у подростка формируется потребность и готовность к диалогу с Другим.

Феномен «переживания» в психологических исследованиях получает разнообразные трактовки и содержательную нагрузку. Так, по мнению Ф. Е. Василюка, переживание может быть раскрыто как специфическая деятельность смыслопорождения, преобразования глубинных структур личности, как особая внутренняя работа по перестройке психологического мира, направленная на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием, общей целью которого является повышение осмысленности жизни (Василюк, 1984, с. 30). Другими словами, смысловое переживание как внутренняя творческая деятельность личности по самостроительству становится возможной посредством выделения в ней субъектной позиции подростка, а также аффективных и когнитивных компонентов. Л. С. Выготский в этом отношении выразился вполне однозначно: «в каждом переживании, в каждом его проявлении возникает некоторый интеллектуальный момент... и аффективное образование» (Выготский, Собр. соч., 1982, с. 377).

Обретение подростком социальной формы означает способ «наполнения собой» определенного места в обществе, где уже существуют «другие», и субъекту необходимо сформировать позицию «сопричастности» с тем, чтобы как можно больше людей могло бы признать в субъекте личность. Рефлексия способа перехода от индивидуального к социальному существованию, от субъекта к личности вызывает «эффект» самосознания и одновременно запускает процесс «самосостояния».

«Самосостояние» предполагает уже другой тип самосознания и рефлексии, так как рефлексивная способность реализуется в социально не организованной среде. В условиях индивидуального существования и субъективно неупорядоченной социальной среды процесс самоосознания трудно контролировать и осуществлять. Даже некоторые субкультуральные

практики в этом смысле «противостоят» свободе индивидуального самосознания в форме разнообразных, зачастую амбивалентных требований, стереотипных оценок, обязательных со стороны взрослых ожиданий выполнения консервативных норм и правил, принятых способов и средств социализации подростков и молодежи на фоне превалирования среди подростков либеральных взглядов на все аспекты социальной действительности. При этом изменчивость среды в настоящее время под воздействием глобализации, развития новых информационных технологий и средств коммуникаций, новых практик и «картин мира» настолько высока, что объем субъективно «неупорядоченного» социального пространства (Марцинковская, 2013) зачастую превосходит «скромные» рефлексивные возможности подростка по его пониманию и присвоению. Будучи сам «вплетен» эмпирически в грандиозную систему общества, в «культуру страха» (Цымбаленко, 2017) взрослых перед киберпространством и цифровой эпохой (Марцинковская, Т.Д., Аянян, А. Н., 2016), подросток по причине сложности жизни переживает «онтологический страх» и тем самым вынужден реагировать иногда неожиданной для взрослых формой социальной субъектности. Так, на фоне кризиса идентичности среди подростков и молодежи соотношение «своего» – «чужого» приобретает амбивалентный характер, нередко большей привлекательностью начинает обладать «чужой» (Miller, B., Morris, R. G., 2016), в отличие от «своего», который воспринимается как нечто устаревшее, негодное, бесполезное и чуждое (Veysey, V. M., Rivera, L. M., 2017).

В упрощенном смысле «самосостояние» во многом совпадает с процессом экзистенциального самоопределения, состоящим в поиске подростком собственного жизненного пути, обретении «самого себя» зачастую с помощью Другого, который уже обладает «своим упорядоченным социальным пространством», опытом преодоления неопределенностей, разнообразных трудностей, кризисов, конфликтов и готов оказать ему помощь. В процессе общения с Другим осуществляется перенос индивидуальных характеристик подростка и формирование идеальной представленности их в Другом, происходит обмен значениями и «личностными смыслами», социальным опытом субъектов.

У Л. С. Выготского для ребенка таким Другим выступает взрослый или родитель, который обладает властью-знанием, жизненным опытом и в буквальном смысле «ведет» его за руку, открывает для ребенка «надындивидуальный» смысл существования. Сегодня, в век информационных технологий, ребенок, опираясь на помощь взрослого, получает возможность «переводить все большую и большую часть» самого себя в иные, «информационные формы выражения», «расширяющие сознание» и превосходящие его самого (Маклюэн, 2003, с. 70). Однако по достижении под-

ростом 12–15 лет встает проблема «самостояния», когда необходимо самостоятельно выстраивать свою линию жизни.

Современные исследования указывают, что «критическая точка» в динамике взросления в условиях «переходного общества» приходится именно на 15-летний возраст, когда подросток встречается с первой ситуацией жизненного выбора. При этом взросление мальчиков является «более внутренне противоречивым, в сравнении с девочками, что, вероятно, отражает существующие в современном российском обществе «двойные стандарты взросления»» (Микляева, 2020). Этот этап требует от подростка более высокого уровня самосознания, мотивации и волевой самоорганизации с тем, чтобы осознать себя как личность. Л. С. Выготский считал, что формирование самосознания составляет главный итог переходного возраста (Выготский, Собр. соч., 1982). В терминах «самостояния» это означает способность подростка активно (субъектно, предметно, ответственно) относиться к полагаемой собственной социальности, овладевая способами регуляции спонтанной системы поведения, превращая свой личностный, креативный потенциал в реальные достижения.

Построение внутренне непротиворечивой, целостной структуры становления личности подростка в контексте расширения опыта его самосознания и процессов самоопределения до сегодняшнего дня остается предельно сложной теоретической задачей. Дело в том, что далеко не все психические образования непосредственно связаны с возрастом личности, в том числе не доказана связь самоопределения и возраста. Об этом свидетельствуют исследования Б. Г. Ананьева, Д. Б. Элькониной, Л. И. Божович, Д. И. Фельдштейна и др. Так, Д. Б. Эльконин, развивая исходные положения концепции Л. С. Выготского, выдвигает идею о том, что каждая ступень психического развития ребенка представляет собой «качественное изменение формы социальности» и подчеркивает фундаментальную важность в этом процессе отношений ребенка со взрослым. Вслед за Л. С. Выготским Д. Б. Эльконин рассматривал в качестве общего знаменателя новообразований подростка его ориентацию на будущее, стремление к самоутверждению и развитое самосознание. У Л. И. Божович мы обнаруживаем попытку объяснить стремление многих подростков к одиночеству их желанием разобраться в своих противоречиях и осознать истинные мотивы поступков.

В отличие от многих известных психологов Д. И. Фельдштейн в своих работах акцентировал внимание на кризисном характере подросткового периода. В том числе, одной из причин кризиса им рассматривался протестующий характер поведения и рост негативной самооценки подростка. Нельзя не согласиться с мнением ученого, который также указывал на раз-

рушение в настоящее время позиции ответственного отношения взрослого сообщества к миру детства. Между потребностью подростка в приобщении, причастности к обществу и возможностью ее реализации лежит фактическая пропасть, определяемая социально закрепленными позициями детства и взрослого мира (Фельдштейн, 1996, с. 4). Это зона деструктурированных информативно-деятельностных отношений, разрушенных связей между взрослеющим детством и взрослым миром, что выражается в агрессивности подростков и в ответном раздражении взрослых, опустошенности, страхе подростков и тревоге взрослых (Cihan, A., Tittle, C. R., 2019). В результате подростки вынуждены создавать альтернативные взрослым самодеятельные организации, неоднозначно относиться к обществу и ориентироваться преимущественно на перспективу обогащения своей собственной индивидуальности на фоне поиска форм признания обществом их личной значимости и неповторимости (Наумов, S., Maxson, C., Killias, M., 2013).

Отсюда одной из актуальных задач, стоящей сегодня перед психологами, является выявление и утверждение «социально заданной формы жизнедеятельности подростков», психологических механизмов и технологий, обеспечивающих каждому из них возможность стать реальным субъектом социальной жизни и собственного развития (Выготский, Культурно-историческая психология: проблемы теории и истории, 1997, с. 6, 18).

Концепт «самостояния» встречается, прежде всего, в творческой сфере относительно деятельности писателей, поэтов, художников, актеров, которые подразумевают под ним особое творческое состояние, когда «материал» оказывает сопротивление попыткам «поглотить» его. Другими словами, «самостояние» относится к достаточно сложно организованной творческой ситуации, которая требует перестройки (дестройки, надстройки) деятельностной активности личности. При ближайшем рассмотрении оказывается, что «сопротивляется» сам «автор», который вынужден мучительно решать «проблему самообмана», преодолевать собственные иллюзии, сомнения и страхи индивидуального самосознания. В творчестве Достоевского и Толстого смысл «самостояния» – это духовное усилие, направленное на решение «предельной задачи» – «уничтожение неопределенности», «раскрытие тайны жизни», когда духовное усилие служит средством трансформации неопределенности в некую гармонию, когда мысль вырывает человека из хаоса незнания и открывает смысл существования. Отсюда «важной частью экзистенциального опыта субъекта является не только «непостижимое», но и тайна» (Знаков В. В., 2016), (Франк, 2007, с. 426). Результатом творческого самопостижения выступает новая реальность, нечто более совершенное и жизнеутверждающее. В на-

шем случае эффектом самосостояния выступает расширение самосознания и обретение подростком нового опыта самопознания, нового уровня социальной свободы, «превращение куколки в бабочку» (Бочавер, 2016, с. 31-38).

И хотя объем концептуализации или ее конечная точка завершения нами еще не определены и концепция «самосостояния» остается открытой, общая логика действия механизма «самосостояния» в отношении развития подростка в первом приближении понятна. Трудности концептуализации возникают по причине попадания «самосостояния» в зону тематических и методологических пересечений с категориями «развитие», «девиантность», «субъектность», «адаптация», «самосознание», «социализация», «норма и патология», «криминализация», каждая из которых имеет свои собственные объяснительные схемы. По существу, мы включаемся в общее пространство вечных научных дискуссий вокруг попыток создания современной теории молодежи, которая отвечала бы на основные вопросы о закономерностях развития нового поколения и общества. Однако каждое новое поколение закономерно «выталкивается» в иное временное пространство, превращая молодого человека в заложника мало «институционализированного» мира, требуя от него самостоятельных и предопределенных компенсаторных действий, замыслов и проектов, которые могут «существенно отличаться от конструкций и проектов “ответственного взрослого”» (родителя, учителя и т. д.) (Луков, 2012). Главный смысл нашей концептуализации – поиск ответа на вопросы о причинах возникновения «самосостояния», причинах кризиса активности личности подростка и выбора подростком криминального пути развития. При этом поиск ответов на поставленные вопросы осуществляется в контексте ювенальной психологии, принципов гуманистической и экзистенциальной психологии.

Выделение самосостояния в качестве самостоятельного феномена психологической науки оправдано тем,

что в ситуации угрозы онтологического или экзистенциального одиночества подросток неизбежно нуждается в поддержке других, он действительно глубоко переживает страх¹ перед тем, если в этих отношениях ему будет отказано. Парадокс самосостояния заключается в том, что подросток стремится обрести поддержку в лице Другого (учителя, родителя, группы, субкультуры) и одновременно боится попасть в зависимость, быть «поглощенным» этим Другим. Ситуация похожа на ту, которую описывают Фрейд и Лакан, когда оба указывают на факт «сопротивления», особой нетерпимости субъекта к тому, что ему сопротивляется. Однако сопротивление оказывает субъект себе сам. В сеансе терапии имеет место выбор: оказать авторитарное воздействие, прибегнуть к внушению или гипнозу для того, чтобы преодолеть сопротивление, или позволить субъекту быть свободным и самостоятельно делать выбор?

”

*Построение внутренней
непротиворечивой, целостной
структуры становления личности
подростка в контексте расширения
опыта его самосознания
и процессов самоопределения
до сегодняшнего дня остается
предельно сложной
теоретической задачей.*

“

и экзистенциальных по содержанию ситуаций? Каким образом подросток может применить новый способ концептуализации к ситуации самосостояния, если у него может и не быть соответствующего слова, категории или понятия для обозначения данного состояния? И возможно ли «представить» непредставимое по сути – собственное становление?² Как справедливо утверждают философы, «субъективация как становление субъекта не может быть представлена» (Смирнов, 2011, с. 95). В результате у подростка вместо нормативных способов социального поведения в самосознании начинают доминировать страхи

¹ Вопрос о том, какова природа этого страха представляется одним из самых сложных в теории онтогенеза личности.

² У Тютчева читаем: Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь.

и опасения, которые ограничивают его линию жизни прошлым и настоящим.

Именно «опыт преодоления угрозы одиночества самосознания, «повисания» в пространстве времен, лежит в центре процессов психической организация и развития субъекта. Этот опыт собирается по крохам, в ходе приобретения социальной зрелости и саморазвития субъекта, об уровне опыта можно судить по тому, как субъект чувствует и переживает необходимость своих мыслей, внутренней работы души, действий своего тела, по тому, как другой субъект начинает отзываться, вступать с ним в отношения. В результате субъект обретает способность никогда не быть в одиночестве, а находиться в пространстве отношений, а не конвенций» (Шаранов, 2020).

В настоящее время количество «неподлинных» эрзац-отношений, в том числе виртуального формата в мире резко выросло. Качественные изменения элементов культуры, протекающие с высокой скоростью, высокая степень расслоения общества, разобщенность людей в больших городах, недостаточность глубоких эмоциональных контактов – это то, что порождает «одиночество человека в толпе» (Усман, 1987), (Долгинова, 1996).

Особенно сложные процессы происходят в духовном пространстве. Именно здесь лавинообразно нарастают негативные явления, что проявляется в потере нравственных ориентиров, в резком снижении уровня культуры, в проникновении в сознание людей сомнительных ценностей, в росте преступности, в социальной апатии. Все более настойчиво заявляет о себе проблема нравственной деградации личности (Бокачев, 2006, с. 3). Отсюда для подростка «важным обстоятельством со-бытия с Другими является психологическое состояние индивида, основанное на системе его отношений к Другому и взаимоотношений с ним, что проявляется в удовлетворенности или неудовлетворенности таковыми» (Шамионов, 2012, с. 7).

Согласно логике М. Бубера, М. Бахтина, Л. Выготского, Другой – не артефакт, а диалог, «связь людей», определяющих развитие высших психических функций и сознания в культурно-исторической теории Л. С. Выготского. Отсюда самосостояние – это не столько время тягостного (а может быть, и радостного,

творческого) переживания человека, не только обращенность внутрь самого себя, не только стремление скрыть то, что с ним реально происходит, но и диалог с самим собой. Диалогическое измерение самосостояния важно для конструктивного переживания и для совершения работы «совладания» (Ф. Е. Василюк), овладения социальным опытом соучастия, всех аспектов события с Другими.

Кризис процесса самосостояния возникает тогда, когда начинает доминировать монолог и нарушается возможность диалога человека с «экзистенциальным» Другим, а значит, становится невозможным образование духовного слоя сознания, так как образующими духовного слоя выступают Я – Ты (Другой).

По образному выражению Я. П. Тилих, это означает «мужество быть», то есть мужество быть самим собой и одновременно мужество быть частью Другого (личности, субкультуры, общества) в их взаимной зависимости (Тилих, 1992, с. 59-60), то есть разница ситуаций заключается в том, что духовное совладание (по Василюку) характеризуется или «одиночеством» монолога, или диалогичностью «совместного», при этом рефлексивное измерение самосостояния помогает субъекту только заявить о том, что «я есть», что «я существую» (по Декарту), а все, что не может быть включено

в рефлексивное движение самосознания (страх, боль, эйфория и др.), приводящее к себе самому, должно быть подвергнуто систематическому вытеснению. Таким образом, понимание того, как поведение связано с тем, как человек думает, рефлексивное, жизненно важно, но далеко не все, что нужно подростку. Подростку важно еще знать ответ на вопросы: «Какой я?», «В чем смысл моего существования?». Как писал Э. Левинас, это и есть субъективность ожидания, любопытства, стремления, интенции, служащих основанием поиска не тождественного себе иного («другого») (Левинас, 2006, с. 179).

Иными словами, самосостояние – сложный, противоречивый и порой драматический процесс движения субъекта к самому себе посредством преодоления страха неподлинности собственного существования и угрозы неподлинности отношений с Другими (Giddens, 2013). При этом подросток, даже

”

*Трудности концептуализации
возникают по причине попадания
«самосостояния» в зону
тематических и методологических
пересечений с категориями
«развитие», «девиантность»,
«субъектность», «адаптация»,
«самосознание», «социализация»,
«норма и патология», «криминали-
зация», каждая из которых имеет
свои собственные
объяснительные схемы.*

“

если обрел в Другом мудрого наставника и образец для подражания, все равно стремится «упорядочивать» социальное пространство по своей собственной логике, сам переинтерпретирует, пробует и ошибается, экспериментирует и рискует, тем самым определяя свой индивидуальный жизненный путь. Правовые ценности в этом онтологическом самоопределении рассматриваются в качестве равных другим и конкурируют с существующими у подростка системами ценностей (Corkin, D., Wiesner, M., Reyna, R. S., Shukla, K., 2015). Поэтому выбор «правильного» и «неправильного», в том числе криминального пути социализации (Liu, F., Chui, H., Chung, M. C., 2020), является для подростка естественной формой развития и самореализации.

Концепция самосостояния непосредственно связана с категориями ценности и цели, интенциональности и смысла, шире – с категориями бытия и места человека в мире, обнаруживая при этом кризисные явления в самой научной психологии (Выготский, Психология, 2000, с. 63, 69). По крайней мере, очевидна неспособность современной психологии ответить на вопросы о судьбе, экзистенциальной значимости категории времени, об одиночестве и отчуждении, о том, как и где порождаются смыслы и бессмысленности жизни человека и социума в целом. При этом категория девиантности по отношению к подростку имплицитно ведет «к соскальзыванию» с высот теоретического размышления и поиска причинно-следственных связей в пользу выявления поведенческих реакций, к поиску простых объяснений, использованию распространенных в психологии концептов и теоретических моделей, тем самым определяя не только мышление исследователя, но и его отношение к конкретным людям.

«Незавидную» судьбу девиантных подростков по-прежнему пытаются «измерить» и оценить с точки зрения теории стресса, психической травмы, наследственности и личностных деформаций, теории семейных отношений и т. д. В первом случае вся ответственность за жизненные неурядицы перекладывается на самого подростка, его низкую адаптивность, инфантилизм или проблемы со здоровьем. Во втором случае вина переносится на семью, школу и окружение подростка (Boduszek, D., Debowska, A., Sharratt, K., McDermott, D., Sherretts, N., Willmott, D., ... Nyland, P., 2021). Вместе с тем не всегда учитывается тот очевидный факт, что система психолого-поведенческих особенностей подростков-делинквентов в сравнении со взрослой категорией правонарушителей «значительно усложнена многообразием личностных, ценностных и статусно-ролевых «индикаторов», формирующих деструктивный стереотип поведения и определяющих их местоположение вне социально-позитивного

слоя общества» (Михайлов, 2015, с. 2). Поэтому к делинквентам относят всех тех, кто не вписывается в определенную социальную среду (Клочкова, 2004), то есть имеются в виду подростки, нарушающие принятые в обществе взрослых «нормальные» способы социализации (Moore, K. E., Stuewig, J. V., Tangney, J.P., 2015). Проблема заключается в том, что результаты развития и воспитания, как правило, предполагаются лишь актуально и конкретно, в каком-либо определенном отношении, например, формированием интеллекта, нравственности, определенных отношений, личностных качеств, но вне связи с дальнейшим развитием целостной личности и ее судьбой. Приходится признать, что существующие в науке представления о-механизмах становления подростка в онтогенезе во многом себя исчерпали (Орлов, 2002, с. 138). Зона научных поисков социологов, криминологов, педагогов, психологов в целом определена правильно: это точка пересечения, взаимопереходы и взаимопревращения противоречивых интенций личности (Зинченко, 2012, с. 3) и проблема выбора социально одобряемого, правильного пути дальнейшего развития подростка. Эту точку принято характеризовать как порог, кризис, перелом, точка фиксированной интенсивности, возникновение в сознании хаоса, так и преодоление его, наступление порядка (В. П. Зинченко). Множество попыток выявить специфические закономерности становления личности подростка так и не привели к однозначному ответу на вопрос, почему большинство подростков не «проскакивают» правильный поворот в своей жизни, а меньшинство попадают в разряд девиантных, «неправильных» детей? По всей видимости, в том числе и потому, что не учитывается ситуация самосостояния – как открытый творческий вызов, на который пытаются дать ответ подростки с разным уровнем развития самосознания, субъектности, концептуальной системы и креативного потенциала, уровнем работы на понимание и с разной степенью осознания этой внутренней работы (Зинченко, 2012, с. 7). При этом концептуальная система или метакогниции (по Холодной) (Холодная, 2002) играют центральную роль в определении реалий повседневной жизни, в структуризации повседневного опыта субъекта. Творческая способность индивида при этом заключается не просто в способности осмыслить повседневные отношения, но и в способности давать ответ на вызовы жизни различными, в том числе оригинальными, зачастую несовместимыми друг с другом способами, что является доказанным фактом. Другими словами, разрешение ситуации самосостояния может быть только творческим процессом. Одаренную, творческую личность трудно или невозможно подогнать под предзаданную

взрослыми личностную структуру, последняя как бы каждый раз воссоздается из неповторимого опыта человека (Rivera, L. M., Veysey, B. M., 2018). Это одна из существующих в науке теоретических моделей развития личности.

Концепция самосостояния предполагает в качестве оптимальной стратегии преодоления трудностей онтологического и экзистенциального самоопределения личности обращение к ее творческим ресурсам. Несмотря на распространенную сентенцию о том, что «все дети талантливы», далеко не всем подросткам в полной мере имманентно присущи креативные способы ответа на жизненные затруднения. Кроме того, всегда ли даже творческая, одаренная личность адекватно вписывается в повседневную реальность? Очевидно, не всегда.

Анализ структуры поведения делинквентных подростков показывает, большинство из них выбирают усредненный профиль линии жизни – или маргинальный, когда индивидуальных способностей личности не хватает для того, чтобы полностью соответствовать культурным запросам среды (Miller, O., Batastini, A. B., Standridge, R., Repke, A., Mohn, R., 2021). А. Г. Асмолов даже ставит вопрос о «зонах задерживающего или опережающего развития в культуре» (Асмолов, Культурно-историческая психология и конструирование миров, 1996, с. 670). То есть речь идет о том, что драмы как одаренного, так и среднего по своим способностям подростка связаны со столкновением с «адаптивной моделью общества», с «подавляющей драмой» культурной среды. Модель подлинной жизни личности предполагает наличие свободы и «неадаптивной активности», рассчитанной не только на множество зон разнообразного развития ближайшего, но и отдаленного будущего. Такого рода культурная среда семьи и школы является настоящей «лабораторией жизни». Получается, что не всем подросткам случается оказаться в школьной среде, в которой личность не готовится и не ждет начала подлинной жизни, она уже по-настоящему живет. Исследования показывают³, что в школах, где внедрялись программы интеллектуального развития и социального воспитания, у подростков не возникало когнитивных затруднений в принятии правильных решений, они демонстрировали сравнительно более высокую социально-психологическую зрелость.

Таким образом, гипотеза о том, что ситуацию самосостояния лучше всего разрешают креативные подростки или одаренные дети, находит свое подтверждение. Именно разнообразие интенций и принципиальная незавершенность личности подростка как индивидуальности, как живого, непредсказуемого, рискованного, отчаянного субъекта,

по мнению А. Г. Асмолова, и составляет сущность «культуры достоинства личности». В этой культуре высоко ценятся креативность, изменчивость, свобода воли, неопределенность, игра, культивирование свободы выбора и принятие ответственности каждым за свою судьбу и культуру в целом (Асмолов, Культурно-историческая психология и конструирование миров, 1996, с. 668–669). Там, где наблюдаются факты дегуманизации системы школьного и высшего образования (Орлов, 2002, с. 167), отсутствуют искренние эмоциональные отношения между педагогом и обучающимся, доминируют стратегии рационализации во всех сегментах образовательного и воспитательного процесса, там формируется личность подростка, не способная вступать в подлинный, равноправный диалог с Другим (Роджерс, 1990). Система принуждения и контроля, интенсивного принудительного общения, встроенная в систему образования, может лишать человека его естественной привилегии – самому решать экзистенциальные вопросы и не передавать это право другим. Вообще взгляд на человека с позиции гуманизма позволяет поставить вопрос о моральном праве других людей и общества в целом воспитывать, формировать ребенка, подростка, юношу, вообще любого человека в духе строго определенных нравственных правил.

Вместе с тем нормы не только мыслительной, но и всякой другой деятельности (а также входящие в них знания и системы знаний) являются многоуровневыми образованиями, а потому подростку с любым уровнем социальных способностей так или иначе приходится избирательно относиться к разнообразию предлагаемых в школе знаний, учиться ставить перед собой вопросы о содержании и смыслах тех или иных знаний (понятий), тем самым формируя у себя хотя бы минимальный опыт самостоятельного познания и самоопределения. При этом духовность и способность к творчеству не передаются от учителя к ученику с помощью цифровой или психологической технологии. Скорее всего, духовные и креативные компетенции формируются на основе внутренней психологической работы подростка. По мнению Н. Роджерс, «путешествие в глубь себя есть интегративный процесс чувств, который результируется в усилении нас самих и в новом состоянии сознания себя и мира вокруг нас» (Роджерс, 1990).

Низкий уровень рефлексии и отсутствие мотивации к внутренней работе стимулирует личность формировать систему собственных личностных смыслов посредством механизмов мифотворчества (Cromby, J., Brown, S. D., Gross, H., Locke, A., Patterson, A. E., 2010). Это упрощенная форма Я-концепции, так как миф

³ Исследования, в частности, проводились под руководством М. А. Холодной.

отвергает объективную ограниченность «дозволенного» человеку. Существующим запретам и ограничениям личность противопоставляет вседозволенность и претензии на исключительность, внешнюю направленность реакций в сочетании с упорным стремлением к устранению запретов и к власти. Подобный тип личности сопровождают переживания чувства обиды, ригидность эгоистических побуждений, преобладание сниженной самооценки и опыта фрустраций. При этом общезначимые ценности воспринимаются такой личностью критически, а потому многие из них не становятся действительно значимыми в индивидуальном контексте подростка и не выступают в качестве внутренних носителей социальной регуляции (Бугаец, 2009). Чем дольше во времени и пространстве манифестируется такого рода стиЖуравлевль смыслопорождения и самоутверждения, тем реальнее становится ситуация, способствующая тому, чтобы «форма стала сущностью» (по Гегелю), то есть утвердилась «организация жизни как целостность» (Выготский).

Подросток, утверждающий свой субъектный статус путем противопоставления Другому (родителям, членам коллектива, представителям власти и т. п.), – это, как правило, человек с драматической судьбой. «Утверждая себя через оппозицию «Я» и «Не-Я», этот субъект рассматривает весь мир как тотальное «Не-Я», являясь в свою очередь вечным Другим по отношению к коллективному субъекту. «В основе противопоставления такой необычной личности культуре большинства лежит оппозиция “Мы” и “Я”, коллективная или групповая идентификация в противовес индивиду, который находит в себе смелость остаться за пределами сообщества» (Шапинская, 2009, с. 49).

Как представляется, именно культура творческого самоизменения и творческого самоусиления может позволить подростку сопротивляться «жесткой социализации» и формировать жизнестойкость, помогать личности постигать подлинный смысл самосостояния.

Самосостояние нельзя полностью сводить только к способности подростка творчески перерабатывать жизненные затруднения и накапливать опыт конструктивного поведения. Среди подростков, совершивших правонарушение, обнаруживаются личности

с комплексом индивидуально-личностных характеристик, выбирающих сверхнормативные стратегии поведения (Dalzell, E. L., Cavanagh, C., 2021). Как правило, это энергичные и предприимчивые субъекты, которым не хватает нормативного пространства для самоутверждения. На скамью подсудимых их привела жажда самопознания и стремление к риску (Nofziger, S., Johnson, T., 2019). Складывается впечатление, что некоторые преступления ими совершались как продолжение некоей игры. При этом ярко выраженный корыстный мотив у тех, кто совершил кражу, не всегда доминировал. Широкий круг объектов преступных посягательств (кражи, мошенничества, хулиганства и грабежи) доказывает сложный профиль мотивации их поступков.

Ситуация самосостояния для этой группы подростков, как правило, разрешается в пользу средних по уровню когнитивной сложности экзистенциальных выборов.

Только для третьей группы несовершеннолетних правонарушителей характерны устойчивые корыстные мотивы и установки в благоприятной ситуации вновь совершить кражу или иное преступление.

Значительный разброс причин правонарушающего поведения, психологических характеристик, оказывающих влияние на выбор

асоциальных форм поведения, затрудняет создание универсальной, научно обоснованной модели, убедительно объясняющей особенности функционирования личности подростка в современных социальных-экономических условиях.

Таким образом, источником самосостояния могут служить как онтологическая, так и экзистенциальная потребность субъекта в обретении собственной «социальной формы» или социальности. В этом смысле самосостояние выражает способ активности субъекта во времени и пространстве посредством «демонстрации сопричастности» и лояльности к существующим культурным ценностям, или сопротивления, противопоставления и конфликта с ними (Crank, 2016).

Самосостояние реализуется посредством механизмов рефлексии, «эффектов» самосознания в форме равноправного диалога с Другим, соотношенного с ведущей деятельностью и возрастными особен-

”

Очевидна неспособность современной психологии ответить на вопросы о судьбе, экзистенциальной значимости категории времени, об одиночестве и отчуждении, о том, как и где порождаются смыслы и бессмысленности жизни человека и социума в целом.

“

ностями «само-процессов» личности подростка. Благодаря процессам самосостояния повышается готовность регулятивно-смысловых механизмов самоопределения личности к самостоятельному проектированию будущего. И чем взрослее становится подросток, тем более важную роль в его жизни играют процессы саморазвития и самоформирования.

Ситуация самосостояния, в связи с отсутствием во внутреннем опыте подростка необходимых для ответа на экзистенциальный вызов психических ресурсов, переживается как особое творческое состояние личности, причем выбор «нормального» или криминального способа разрешения внутреннего кризиса является субъективно творческим актом, так как в любом случае расширяет внутренний опыт подростка. Именно творческое овладение и творческое преобразование субъектом самого себя как объекта (для себя и для Другого) может расцениваться в качестве важного результата процесса самосостояния личности. Тем самым изначально сложная ситуация экзистенциального выбора подростка с криминальным типом самосознания разрешается в пользу субъекта, так как в творческом процессе преодолевается («снимается») комплекс девиантности и переживания онтологической вины.

Самосостояние как системное качество трудно выделить из контекста непрерывного функционирования механизмов самосознания и «само-процессов», однозначно при этом установив «начальный импульс» его возникновения. Понять самосостояние можно только из контекста – времени смыслового переживания, когда субъект осознает, что с ним происходит, реагирует на возникшую преграду смыслопорождения и сосредоточивается на себе, осуществляя внутреннюю психологическую работу «выхода» в будущее через настоящее. Темпоральность или сензитивность к фактору времени определяет

длительность и характер когнитивных процессов, переживание потребности в помощи Другого, сохранение обостренной чувствительности к противоречиям ситуации самосостояния и времени переживания чувства удовлетворенности от ее разрешения. Таким образом, самосостояние отличается от близких ему «само-процессов» относительной независимостью от возраста подростка, по форме существования самосостояние выступает как результат развития подростка в социокультурной среде, по цели – разрешение экзистенциального кризиса личности, по психологическим механизмам – это психическая функция самовыражения субъектных качеств личности, обретение субъектом социальной формы самоосуществления. У подростка появляется понимание непрерывности развития собственного взгляда на жизнь, стремление обрести свободу от навязчивого диктата со стороны взрослых одинаковых для всех системы значений, восприятий и артефактов и ограничивающих процессов рационального самоопределения.

Сущность самосостояния открывается в опыте подростка по разрешению противоречий и внутренних конфликтов, имманентно присущих ему как субъекту жизнедеятельности. Конфликты с законом и другими общественными ценностями не составляют сущности подростка, они манифестируют внутриличностный ценностно-смысловой кризис личности, призваны выполнять инструментальную и прагматическую функции самопознания, саморазвития, социальной адаптации и самопрезентации личности подростка Другому, а потому асоциальные и просоциальные модели поведения являются равноправными формами проявления социальности подростков, понять смысл которых возможно только в контексте процессуальных отношений субъекта временного континуума к объектам психологического пространства и прогноза их изменений в будущем.

Список литературы

- Boduszek, D., Debowska, A., Sharratt, K., McDermott, D., Sherretts, N., Willmott, D., ... Hyland, P. (2021). Pathways between types of crime and criminal social identity: A network approach. *Journal of Criminal Justice* (72), 1017–1050.
- Cihan, A., Tittle, C. R. (2019). Self-Control, Sanction Threats, Temptation, and Crime: Examining Contingencies of Self-Control in a Cross-National Context. *Crime & Delinquenc* (65(4)), 555–580.
- Corkin, D., Wiesner, M., Reyna, R. S., Shukla, K. (2015). The Role of Deviant Lifestyles on Violent Victimization in Multiple Contexts. *Deviant Behavior* (36(5)), 405–428.
- Crank, B. R. (2016). Accepting deviant identities: the impact of self-labeling on intentions to desist from crime. *Journal of Crime and Justice* (41(2)), 155–172.
- Cromby, J., Brown, S. D., Gross, H., Locke, A., Patterson, A. E. (2010). Constructing Crime, Enacting Morality: Emotion, Crime and Anti-Social Behaviour in an Inner-City Community. *British Journal of Criminology* (50(5)), 873–895.
- Dalzell, E. L., Cavanagh, C. (2021). Adolescents' Perceptions of Physical Development Relative to Peers and Antisocial Behaviors. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*.
- Giddens, T. (2013). Criminal Responsibility and the Living Self. *Criminal Law and Philosophy* (9(2)), 189–206.
- Haymoz, S., Maxson, C., Killias, M. (2013). Street gang participation in Europe: A comparison of correlates. *European Journal of Criminology* (11(6)), 659–681.

- Liu, F., Chui, H., Chung, M. C. (2020). The effect of parent-adolescent relationship quality on deviant peer affiliation: The mediating role of self-control and friendship quality. *Journal of Social and Personal Relationships* (37(10-11)), 2714–2736.
- Miller, B., Morris, R. G. (2016). Virtual Peer Effects in Social Learning Theory. *Crime & Delinquency* (62(12)), 1543–1569.
- Miller, O., Batastini, A. B., Standridge, R., Repke, A., Mohn, R. (2021). Actor perspective and moral reasoning: Do levels of criminal thinking moderate this relationship among non-criminals? *Journal of Forensic Sciences* (66(3)), 992–1002.
- Moore, K. E., Stuewig, J. B., Tangney, J. P. (2015). The Effect of Stigma on Criminal Offenders' Functioning: A Longitudinal Mediation Model. *Deviant Behavior* (37(2)), 196–218.
- Nofziger, S., Johnson, T. (2019). Revisiting the Concept of Stability in the General Theory of Crime. *Crime & Delinquency* 66(6-7), 739–769.
- Rivera, L. M., Veysey, B. M. (2018). Implicit self-criminal cognition and its relation to criminal behavior. *Law and Human Behavior* (42(6)), 507–519.
- Veysey, B. M., Rivera, L. M. (2017). Implicit Criminal Identity and Age: Implications for Criminal Persistence and Desistance. *Criminal Justice and Behavior* (44(10)), 1249–1261.
- Асмолов, А. Г. (1996) *Культурно-историческая психология и конструирование миров*. Москва: Ин-т практ. психологии.
- Бокачев, С. И. (2006) *Духовность: личностный аспект в социальном контексте современности: автореф. дис. ... канд. философ. наук*. Ставрополь.
- Бочавер, А. Ж. (2016). Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории. *Современная зарубежная психология* (5(2)), 31–38.
- Бугаец, А. (2009). Самосознание как системообразующий фактор формирования девиантного поведения подростков. *Гуманизация образования* (1), 120–124.
- Васильюк, Ф. Е. (1984). *Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций)*. Москва: Изд-во МГУ.
- Выготский, Л. С. (1982). *Собр. соч.* (Т. 4). Москва: Педагогика.
- Выготский, Л. С. (1997). *Культурно-историческая психология: проблемы теории и истории*. (А. Брушлинского, Ред.) Москва.
- Выготский, Л. С. (2000). *Психология*. Москва: Изд-во ЭКСМО-Пресс.
- Долгинова, О. Б. (1996). *Одиночество и отчужденность в подростковом и юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук*. Санкт-Петербург.
- Журавлев, А. Л. (2011). *Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии*. Москва: Ин-т психологии РАН.
- Зинченко, В. П. (2011). Ценности в структуре сознания *Вопросы философии* (8), 85–97.
- Знаков, В. (2004). Самопонимание субъекта как проблема психологии человеческого бытия. *Смысл жизни и акме: 10 лет поиска*. Москва: Смысл.
- Знаков, В. В. (2016). *Психология понимания мира человека*. Москва: Институт психологии РАН.
- Камю, А. (1990). *Творчество и свобода*. Москва: Радуга.
- Клочкова, А. В. (2004). *Преступление и наказание: криминализация России как социально-политическое явление: материалы дискуссии*. Москва: Альфа-М.
- Костандов, Э. (2004). *Психофизиология сознания и бессознательного*. Санкт-Петербург: Питер.
- Левинас, Э. (2006). *Путь к Другому*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Луков, В. (2012). Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы. *Социологические исследования* (1), 5–16.
- Маклюэн, Г. М. (2003). *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. (В. Николаева, Перев.) Москва: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле».
- Марцинковская, Т. Д. (2013). Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ. *Психологические исследования*, 6 (30).
- Марцинковская, Т. Д., Аянян, А. Н. (2016). *Психологические исследования. Социализация подростков в информационном пространстве*, Москва, Россия.
- Микляева, А. В. (2020). Самооценка готовности к взрослению у подростков в современных социокультурных условиях. *Ананьевские чтения*, 85–87.
- Михайлов, А. П. (2015). Преступное поведение несовершеннолетних и молодежи: теория вопроса. *Вестник АГУ* 1 (156), 185–190.

- Орлов, А. (2002). *Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики: учеб. пособие для студ. психол. фак. вузов*. Москва: Изд. корпорация «Логос».
- Роджерс, Н. (1990). *Творчество как усиление себя. Вопросы психологии*, 164–168.
- Смирнов, А. (2011). *Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты*. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России.
- Тиллих, П. (1992). Мужество быть. *Символ* (28), 59–60.
- Усман, А. И. (1987). *Развитие проблемы обособления и отчуждения как механизма онтогенеза личности в возрастной психологии : дис. ... канд. психол. наук*. Москва.
- Фельдштейн, Д. И. (Ред.) (1996). *Хрестоматия по возрастной психологии: учебное пособие для студентов*. Москва: Институт практической психологии.
- Франк, С. Л. (2007). *Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии*. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА ХРАНИТЕЛЬ.
- Холодная, М. (2002). *Психология интеллекта: Парадоксы исследования*. Санкт-Петербург: Питер.
- Цымбаленко, С. (2017). Взаимодействие поколений в новом социальном измерении. *Мир психологии* 1 (89), 63–69.
- Шамяионов, Р. М. (2012). Социализация личности в контексте события с Другими. *Социальная психология и общество* (4), 7–10.
- Шапинская, Е. (2009). Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации (Российский институт культурологии). *Гуманитарное знание: теория и методология* (3), 51–56.
- Шаранов, Ю. А. (2020). *Самосознание субъекта: авторская рефлексия концептуальной модели. Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2020)*, 569–572. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России.

References

- Boduszek, D., Debowska, A., Sharratt, K., McDermott, D., Sherretts, N., Willmott, D., ... Hyland, P. (2021). Pathways between types of crime and criminal social identity: A network approach. *Journal of Criminal Justice* (72), 1017–1050.
- Cihan, A., Tittle, C. R. (2019). Self-Control, Sanction Threats, Temptation, and Crime: Examining Contingencies of Self-Control in a Cross-National Context. *Crime & Delinquency* 65(4), 555–580.
- Corkin, D., Wiesner, M., Reyna, R. S., Shukla, K. (2015). The Role of Deviant Lifestyles on Violent Victimization in Multiple Contexts. *Deviant Behavior* 36(5), 405–428.
- Crank, B. R. (2016). Accepting deviant identities: the impact of self-labeling on intentions to desist from crime. *Journal of Crime and Justice* 41(2), 155–172.
- Cromby, J., Brown, S. D., Gross, H., Locke, A., Patterson, A. E. (2010). Constructing Crime, Enacting Morality: Emotion, Crime and Anti-Social Behaviour in an Inner-City Community. *British Journal of Criminology* 50(5), 873–895.
- Dalzell, E. L., Cavanagh, C. (2021). Adolescents' Perceptions of Physical Development Relative to Peers and Antisocial Behaviors. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*.
- Giddens, T. (2013). Criminal Responsibility and the Living Self. *Criminal Law and Philosophy* 9(2), 189–206.
- Haymoz, S., Maxson, C., Killias, M. (2013). Street gang participation in Europe: A comparison of correlates. *European Journal of Criminology* 11(6), 659–681.
- Liu, F., Chui, H., Chung, M. C. (2020). The effect of parent-adolescent relationship quality on deviant peer affiliation: The mediating role of self-control and friendship quality. *Journal of Social and Personal Relationships* 37(10-11), 2714–2736.
- Miller, B., Morris, R. G. (2016). Virtual Peer Effects in Social Learning Theory. *Crime & Delinquency* 62(12), 1543–1569.
- Miller, O., Batastini, A. B., Standridge, R., Repke, A., Mohn, R. (2021). Actor perspective and moral reasoning: Do levels of criminal thinking moderate this relationship among non-criminals? *Journal of Forensic Sciences* 66(3), 992–1002.
- Moore, K. E., Stuewig, J. B., Tangney, J. P. (2015). The Effect of Stigma on Criminal Offenders' Functioning: A Longitudinal Mediation Model. *Deviant Behavior* 37(2), 196–218.
- Nofziger, S., Johnson, T. (2019). Revisiting the Concept of Stability in the General Theory of Crime. *Crime & Delinquency* 66(6-7), 739–769.
- Rivera, L. M., Veysey, B. M. (2018). Implicit self-criminal cognition and its relation to criminal behavior. *Law and Human Behavior* 42(6), 507–519.

- Veysey, B. M., Rivera, L. M. (2017). Implicit Criminal Identity and Age: Implications for Criminal Persistence and Desistance. *Criminal Justice and Behavior* 44(10), 1249–1261.
- Asmolov, A. G. (1996). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya i konstruirovaniye mirov*. Moscow: In-t prakt. psikhologii.
- Bokachev, S. I. (2006). *Dukhovnost': lichnostnyy aspekt v sotsial'nom kontekste sovremennosti*: avtoref. diss. kand. filosof. nauk. Stavropol'.
- Bochaver, A. ZH. (2016). Perspektivy sovremennykh podrostkov v kontekste zhiznennoy trayektorii. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* 5(2), 31–38.
- Bugayets, A. (2009). Samosoznaniye kak sistemoobrazuyushchiy faktor formirovaniya deviantnogo povedeniya podrostkov. *Gumanizatsiya obrazovaniya* (1), 120–124.
- Vasilyuk, F. Ye. (1984). *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Vygotskiy, L. S. (1982). *Sobr. soch.* (T. 4). Moscow: *Pedagogika*.
- Vygotskiy, L. S. (1997). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya: problemy teorii i istorii*. (A. Brushlinskogo, Red.) Moscow.
- Vygotskiy, L. S. (2000). *Psikhologiya*. Moscow: Izd-vo EKSMO-Press.
- Dolginova, O. B. (1996). *Odinchestvo i otchuzhdennost' v podrostkovom i yunosheskom vozraste: dis. ... kand. psikhol. nauk*. Saint Petersburg.
- Zhuravlev, A. L. (2011). *Aktual'nyye problemy sotsial'no oriyentirovannykh otrasley psikhologii*. Moscow: In-t psikhologii RAN.
- Zinchenko, V. P. (2011). Tsennosti v strukture soznaniya Tsentra gumanitarnykh tekhnologiy. *Voprosy filosofii* (8), 85–97.
- Znakov, V. (2004). Samoponimaniye sub'yekta kak problema psikhologii chelovecheskogo bytiya. *Smysl zhizni i akme: 10 let poiska*. Moscow: Smysl.
- Znakov, V. V. (2016). *Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka*. Moscow: Institut psikhologii RAN.
- Kamyu, A. (1990). *Tvorchestvo i svoboda*. Moscow: Raduga.
- Klochkova, A. V. (2004). *Prestupleniye i nakazaniye: kriminalizatsiya Rossii kak sotsial'no-politicheskoye yavleniye: materialy diskussii*. Moscow: Al'fa-M.
- Kostandov, E. (2004). *Psikhofiziologiya soznaniya i bessoznatel'nogo*. Saint Petersburg: Piter.
- Levinas, E. (2006). *Put' k Drugomu*. Saint Petersburg: SPbGU.
- Lukov, V. (2012). Kontseptualizatsiya molodezhi v XXI veke: novyye idei i podkhody. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* (1), 5–16.
- Maklyuen, G. M. (2003). *Ponimaniye Media: Vneshniye rasshireniya cheloveka* (V. Nikolayeva, Perev.) Moscow; Zhukovskiy: «KANON-pess-TS», «Kuchkovo pole».
- Martsinkovskaya, T. D. (2013). Sotsial'noye prostranstvo: teoretiko-empiricheskiy analiz. *Psikhologicheskiye issledovaniya*, 6(30).
- Martsinkovskaya, T. D., Ayanyan, A. N. (2016). Psikhologicheskiye issledovaniya. *Sotsializatsiya podrostkov v informatsionnom prostranstve*, Moscow, Russia.
- Miklyayeva, A. V. (2020). *Samoosenka gotovnosti k vzrosleniyu u podrostkov v sovremennykh sotsiokul'turnykh usloviyakh. Anan'yevskiy chteniye*, 85–87.
- Mikhaylov, A. P. (2015). Prestupnoye povedeniye nesovershennoletnikh i molodezhi: teoriya voprosa. *Vestnik AGU* 1(156), 185–190.
- Orlov, A. (2002). *Psikhologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: Paradigmy, proyeksii, praktiki: ucheb. posobiye dlya stud. psikhol. fak. vuzov*. Moscow: Izd. korporatsiya "Logos".
- Rodzher, N. (1990). Tvorchestvo kak usileniye sebya. *Voprosy psikhologii*, 164–168.
- Smirnov, A. (2011). *Protsesty sub'yektivatsii: teoretiko-metodologicheskiye aspekty*. Irkutsk: FGKOU VPO VSI MVD Rossii.
- Tillikh, P. (1992). Muzhestvo byt'. *Simvol* (28), 59–60.
- Usman, A. I. (1987). *Razvitiye problemy obosobleniya i otchuzhdeniya kak mekhanizma ontogeneza lichnosti v vozrastnoy psikhologii: dis. ... kand. psikhol. nauk*. Moscow.
- Fel'dshteyn, D. I. (Red.) (1996). *Khrestomatiya po vozrastnoy psikhologii: uchebnoye. posobiye dlya studentov*. Moscow: Institut. prakticheskoy psikhologii.

- Frank, S. L. (2007). *Nepostizhimoye: Ontologicheskoye vvedeniye v filosofiyu religii*. Moscow: ACT: ACT MOSKVA KHRANITEL
- Kholodnaya, M. (2002). *Psikhologiya intellekta: Paradoksy issledovaniya*. Saint Petersburg: Piter.
- Tsybalenko, S. (2017). Vzaimodeystviye pokoleniy v novom sotsial'nom izmerenii. *Mir psikhologii* 1(89), 63–69.
- Shamionov, R. M. (2012). Sotsializatsiya lichnosti v kontekste so-bytiya s Drugimi. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* (4), 7–10.
- Shapinskaya, Ye. (2009). Obraz Drugogo v tekstakh kul'tury: politika reprezentatsii (Rossiyskiy institut kul'turologii). *Gumanitarnoye znaniye: teoriya i metodologiya* (3), 51–56.
- Sharanov, Yu. A. (2020). Samosoznaniye sub'yekta: avtorskaya refleksiya kontseptual'noy modeli. *Aktual'nyye problemy psikhologii pravookhranitel'noy deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'yevskiye chteniya - 2020)*, 569–572. Saint Petersburg: SPbU MVD Rossii.

Информация об авторе:

Шаранов Юрий Александрович – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия.

About the author:

Sharanov Yury A. – Dr. Sci. (Psy.), Professor Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 09.04.2021; одобрена после рецензирования 28.04.2021; принята к публикации 29.04.2021.

The article was submitted April 9, 2021; approved after reviewing April 28, 2021; accepted for publication April 29, 2021.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.